

RU

Образ ирландки в творчестве А. Бернс (на примере романа “Milkman”)

Кемалова М. Н., Сахапова Ф. Х., Мазаева Т. В.

Аннотация. Статья посвящена изучению художественного своеобразия романа современной североирландской англоязычной писательницы Анны Бернс «Молочник» (“Milkman”, 2018). Целью исследования является определение особенностей интерпретации образа ирландки, а также способов актуализации мотивов страха и тоски в произведении. Научная новизна настоящего исследования обусловлена тем фактом, что тема политического террора в начале XX века в Северной Ирландии изучена не столь подробно как зарубежными, так и отечественными литературоведами. В результате исследования было обнаружено, что специфические приемы в романе А. Бернс способствуют деконструкции традиционного образа ирландки и созданию в национальной (ирландской) картине мира иного, принципиально нового.

EN

Image of the Irish Woman in A. Burns’s Creative Work (by the Example of the Novel “Milkman”)

Kemalova M. N., Sakhapova F. H., Mazaeva T. V.

Abstract. The article is devoted to studying artistic originality of the novel “Milkman” (2018) by the modern Northern Irish English-speaking writer Anna Burns. The purpose of the study is to determine the features peculiar to interpretation of the image of the Irish woman, as well as the ways by which motifs of fear and longing are actualised in the work. Scientific novelty of the study lies in the fact that the theme of political terror in the early XX century in Northern Ireland has not been studied in much detail by both foreign and Russian literary critics. As a result of the study, it was found that the specific techniques used by A. Burns in the novel contribute to deconstruction of the traditional image of the Irish woman and creation of a different, fundamentally new one in the national (Irish) worldview.

Введение

Имя Анны Бернс (англ. Anne Burns, род. в 1962 г., Белфаст), современной североирландской англоязычной писательницы, лауреата Букеровской премии 2018 года, еще мало известно российскому читателю (на русский язык переведено лишь одно произведение: роман “Milkman” / «Молочник» (2018)). Между тем она создала ряд произведений, оставивших заметный след не только в истории ирландской литературы, но и европейской, мировой в целом. Одной из наиболее актуальных проблем, поднимаемых Бернс в произведениях, является «размывание» понятия этнической (ирландской) самобытности, закономерного следствия завершения многовекового колониального периода в истории страны.

В творчестве писательницы может быть обнаружена одна из отличительных черт постмодернистского сознания, заключающаяся в отрицании прошлых норм и традиций, их переосмыслении, следовательно, проблема прошлого и будущего родной страны приобретает для Анны Бернс еще большую значимость. Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема «ирландскости» в современном глобальном литературном пространстве продолжает вызывать многочисленные дискуссии.

Цель работы конкретизируется в следующих задачах:

- выявить способы актуализации мотива страха и паранойи;
- раскрыть способы актуализации мотива тоски;
- изучить специфику интерпретации образа ирландки.

В соответствии с характером поставленных задач в работе используется метод целостного анализа литературного произведения. Также применяются данные смежных дисциплин (истории, социологии).

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, магистральной темой в которых является тема поиска ирландцами этнической и национальной идентичности в постколониальном пространстве. В частности, П. Конноли отмечает, что проблема определения самобытности остается одной из наиболее актуальных и неоднозначных в ирландской литературе и словно стала одной из ее отличительных черт [5]. К. Т. Пауэлл подчеркивает, что современное поколение ирландцев, которое словно принадлежит одновременно к двум национальностям, чувствует себя неполноценным, так как гэльская культура, в частности, язык забыты, а англо-ирландская культура словно «выросла» искусственно, и именно это вынуждает ирландское общество постоянно переосмысливать свою историю и идентичность [8]. П. Кафлен, исследуя понятие «ирландскость», размышляет о том, какие изменения претерпел статус женщины в ирландском обществе на рубеже XX-XXI веков [6].

Практическая значимость работы заключается в том, что ее положения и выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения творчества Анны Бернс в частности, а также общих вопросов современного состояния и тенденций развития ирландской литературы в целом. Материалы исследования также могут быть применены в вузовском курсе истории мировой литературы XX века, спецкурсах, посвященных современной ирландской словесности и проблемам современного ирландского романа.

Мотив страха и паранойи в романе А. Бернс «Молочник»

В романе «Молочник» А. Бернс представлены реалии Северной Ирландии начала XX века, периода конфронтации Великобритании и Ирландской республиканской армии (ИРА). Тотальный страх, доходящий до абсурда, проходит лейтмотивом и проявляется как имплицитно, так и эксплицитно в произведении. Так, героиня романа не называет ни своего имени, ни имен своих знакомых, соседей и даже самых близких (сестер называет «сестрами», молодого человека «наверным бойфрендом» и т.д.) [3]. В произведении не обнаружено ни одного топонима. Город, в котором разворачиваются события, не назван, что позволяет провести параллели сразу со всеми ирландскими городами со схожими реалиями.

Героиня предельно осторожна в высказываниях и старается всегда молчать, чтобы не размышлять после о возможных последствиях. Она напугана теми негласными правилами и запретами, которых придерживаются ее сограждане вокруг. Общество, по ее мнению, крайне отрицательно относится к ней из-за ее манеры читать, держаться отстраненно и безучастно, в то время как она переживает все события очень болезненно на бессознательном уровне. Узнав, что все люди сплетничают о ней не только из-за странных привычек, но и из-за того, что считают любовницей Молочника, она еще больше замыкается в себе и не может найти успокоения.

Повествование ведется от лица героини на протяжении всего романа в форме бесконечного монолога; редкие диалоги подвергаются анализу и передаются в произведении со слов девушки в виде своеобразного «поток сознания», что значительно утяжеляет повествование, так как причинно-следственные связи нарушены или вовсе отсутствуют в силу нестабильного психоэмоционального состояния. Все семь глав представлены в виде громоздких текстов, не разделенных абзацами и потому столь похожих на настоящие мысли и чувства героини, анализирующей все происходящее с ней и в городе события. Фрагментарность, интертекстуальность, спутанность и резкие переходы от одной темы к другой, выраженные графически в тексте произведения, усиливают «поток сознания». Девушка скрупулезно пытается восстановить цепочку событий, приведших к тому, что она стала «запредельщицей», связавшись с мужчиной, который являлся неофициальной главой несогласных с действующим режимом и властью людей. Она возмущена уничижительными взглядами, оскорбительными замечаниями и обвинениями, посыпавшимися на нее, тогда как она не состояла в любовной связи с Молочником.

Девушка в силу своей молодости и неопытности считает, что самым правильным решением будет игнорирование любых намеков и упоминаний о Молочнике. Она пресекает все разговоры и старается избегать общественных мест, будучи уверенной, что рано или поздно люди забудут о ней и найдут новую «жертву». А. Бернс намеренно изображает общество в образе врага, изобличая пороки, такие как узость мышления, абсурдный консерватизм и стереотипы. Общество, в котором все социальные связи разорваны тотальной взаимной подозрительностью, словно существует вне времени и места. В романе представлены два образа жизни: правильный и неправильный. Общество в лице верующих жен-домохозяек, матерей, ведущих единственно правильный образ жизни, не желает иметь ничего общего с героиней-бунтаркой. Молодая девушка не чтит традиционные ценности и ведет себя аморально; она не замужем, без детей, не ходит в церковь и т.д. Но самым неприемлемым для людей является ее привычка читать «на ходу», в автобусе и дома перед сном. Как можно заметить, в роман введен прием гротеска. Увлечение чтением показано как самый ужасный порок, по тяжести своей превосходящий все другие в разы. Так как девушка читает много разной литературы и обладает широким кругозором, то никто не может догадаться и знать точно, о чем она думает, и из этого следует, что она чрезвычайно опасный элемент для общества, который необходимо обезвредить.

Мотив тотального страха и паранойи связан не только с образом героини. Так, ее мать уверена в том, что в домашний телефон встроено прослушивающее устройство, поэтому говорить по нему нужно редко и только на отвлеченные (только не политические) темы. Если в городе с кем-то случались беда, несчастье, то крайне нежелательным было бы обращение в больницу за профессиональной помощью. В городе над всеми довлеет убежденность в том, что с человеком может что-то приключиться только по политическим причинам. Примечательным является эпизод, в котором героиня нуждалась в профессиональном лечении и уходе,

а ее мать продолжала лечить ее народными средствами на протяжении нескольких дней. Монтажные слова и фразы «сталкинг», «теперь я запредельщица», «наверный бойфренд», «Молочник все ближе», а также междоимение «щелк-щелк», имитирующее преследование [Ibidem], возникают в повествовании внезапно и интенсифицируют абсурд происходящей ситуации.

Мотив тоски в романе А. Бернс «Молочник»

На решение героини молчать об образовавшейся проблеме повлияли и другие предшествующие события в романе. Ключевым эпизодом является встреча друзей в доме ее «наверного бойфренда». Здесь необходимо отметить, что девушка обращается к своему молодому человеку только так, что указывает на ее страх и неуверенность в настоящем. Однако эти чувства не вызваны конкретно его отношением к ней, а продиктованы общественным мнением. Если все является зыбким в обществе и вокруг, то все мысли и действия должны быть облачены в емкий эпитет «наверный или наверная» [Ibidem], что позволит от них в критический момент отказаться. Юноша интересуется машинами, в частности их ремонтом, и зовет своих знакомых, соседей посмотреть на новую деталь английской марки (еле заметный английский флаг был использован в качестве эмблемы). Монтажная фраза «английская марка/деталь/ флаг», как триггер, запускает механизм бессознательного страха в каждом ирландце. Сначала добрые шутки перерастают в серьезный разговор на тему «наш и чужой, ирландский и английский» и в конечном счете принимают форму непримиримого противостояния двух культур, ассимилировавшихся в силу исторических событий.

«Этот флаг не очень приветствовался в нашем сообществе... этот классический “Бентли-Блоуер”, изготовленный в “заморской” стране, имел и флаг “заморской” страны... В комнате теперь воцарилась атмосфера, которую никто не хотел признавать: неприятная, зловещая, серая. Невозможно было вернуть в комнату прежнюю непринужденную...» [1, с. 38].

В данном эпизоде писательница показывает всю абсурдность ситуации и узость мышления общества. Негласные запреты на употребление и упоминание всего чужеродного, т.е. «заморского», касались всех сфер жизни общества, начиная с имен, песен, одежды, марок машин и т.д.

«Поэтому имена Редьярд, Эдвин, Бертрам, Литтон, Каберт, Родерик и Дьюк (т.е. герцог) бог знает чего были последними именами с нашей стороны, в нашем списке, которые не разрешались... Но списка разрешенных имен не существовало. Считали, что каждый житель знает, что разрешено, а что запрещено» [Там же].

Однако известные люди, например певцы, танцоры, оставались неприкосновенными и могли не подчиняться или вовсе нарушать эти запреты. Карикатурно изображены родители «наверного бойфренда» героини, являющиеся танцорами. Оставив сыновей одних, они уехали покорять мировую сцену, чтобы обрести славу. Их образы практически неосязаемы в произведении, они проявляются эксплицитно; все дети в городе, также младшие сестры героини, опустошают шкафы в поисках всего красивого, яркого и обязательно блестящего. Переодевшись и надев высокие каблуки, девочки дни напролет танцуют с мальчиками, а если нет пары, то одни. Описания хаотичных движений с натянутыми улыбками и вздернутым подбородком и последующих падений детей на улице являются своеобразной аллюзией на внутреннее состояние ирландского общества того периода времени. Дети, нарядившись в нелепую одежду, с одной стороны, стремятся стать другими людьми, желательно известными, чтобы освободиться от всех негласных правил и запретов, с другой – понимают всю тщетность попыток и вынуждены смириться, т.е. упасть на землю. Детские слезы из-за ран олицетворяют слезы взрослых ирландцев, неспособных найти себя. Важно подчеркнуть, что многочисленные споры вокруг понятия «ирландскость», проблем национального самоопределения уходят корнями в далекое прошлое. К. Т. Пауэлл отмечала, что ирландцам «постоянно приходилось определять и переосмысливать свою культурную и национальную идентичность» [8, р. 1]. П. Коннолли особо подчеркивал тот факт, что каждый, кто исследует ирландскую историю, может обнаружить в ней целый «калейдоскоп идентичностей и принадлежностей» [5, р. 61]. Следовательно, проблема постоянного поиска, определения национальной самобытности остается одной из наиболее актуальных в ирландской литературе и является одной из ее отличительных черт.

Связанный с данной проблемой мотив тоски может быть обнаружен в следующем эпизоде романа «Молочник». Героиня, охваченная страхом за жизнь своего молодого человека из-за эмблемы и избегающая встреч с Молочником, определила заранее маршрут до дома, чтобы остаться незамеченной, а значит, в безопасности. Проходя через кладбище и пустырь, она задумывается об истории этих мест, о судьбах убитых и погибших сограждан. Ее эмоциональное сопереживание прерывает замеченный неподалеку небольшой круглый предмет. Приглядевшись, девушка понимает, что перед ней лежит оторванная кошачья голова среди различного мусора. Осознавая необходимость уйти, она все же решает найти достойное место для нее. Подобная заикленность вызвана огромной тоской о былых безопасных временах. Героиня представляет, как вскоре она найдет зеленую сочную траву, перенесет туда кошачью голову и наконец обретет покой.

«Я хочу, чтобы она (кошачья голова) лежала в каком-нибудь зеленом месте... Я хочу, чтобы она лежала в каком-нибудь правильном месте» [1, с. 210].

Незадолго до этого девушка стала свидетельницей свирепой расправы над собаками. В каждом доме подкармливали собаку или держали свою, так как она предупреждала лаем о приближающихся солдатах в любое время суток. Хозяева, таким образом, выигрывали время и были морально готовы к предстоящей встрече. В одно утро груды убитых собак были оставлены или свалены в кучу солдатами в назидание ирландцам переосмыслить

свое поведение и настоящие реалии. Трупы и останки хозяева разбирали сами и передавали соседям в полном молчании. Мотивы страха и тоски искусно переплетены в романе и позволяют вывести на первый план внутренний мир героев, точно раздробленный на осколки, отдельные фрагменты, лишь о малой доле которых разрешено думать и говорить в «душном» патриархальном обществе.

Образ героини в романе А. Бернс «Молочник»

Если в начале романа мысли героини заняты разными вещами, философскими и более земными, то в конце на авансцену ее сознательного и бессознательного выходит Молочник. Столь загадочная и вездесущая для города фигура Молочника, контролирующего жизни всех людей, становится жизнью героини или ею самой. В героине словно поселяется одновременно две личности. Девушка уже не сопротивляется и сама считает себя его любовницей и, соответственно, преступницей. Ее мучают панические атаки, ночные кошмары, центральной фигурой в которых выступает Молочник. Более того, абсурдным выглядят многочисленные попытки обнаружить его в своем шкафу, за дверью и т.д. Стрессовая ситуация проживается глубоко в душе героини, о степени ее страданий и боли может свидетельствовать стиль повествования, который теряет целостность и связность в силу эмоционального шока: «...рука у меня тряслась, когда я вставляла ключ в замочную скважину. И параноя меня одолевала дома, я все проверяла, не забрался ли он (Молочник) ко мне в шкаф, если его там не было, не забрался ли он под мою кровать. Каждый раз, когда он приближался... все ближе, я не могла сказать, появляется ли на мне его клеймо или оно уже давно на мне» [Там же, с. 350].

Девушка воспринимает эту ситуацию с Молочником в настолько искаженном виде, что перестает различать, что было на самом деле, а что она выдумала. Например, эпизод, в котором героиня отправилась за чипсами для младших сестер в ближайший магазин, вызывает вопросы и сомнения в реальности происходящего. Стоя в очереди, чтобы оплатить товар, она замечает, как люди (преимущественно ее соседи) медленно начинают расступаться перед ней, и это все происходит как в замедленной съемке. В ее «потоке сознания» преобладали фразы «я заклеймлена», «все из-за Молочника», «я запредельщица» и т.п. В то же время у читающего данный отрывок закрадывается подозрение, что происходящее было воспринято таким образом только самой девушкой. Следовательно, искажение действительности и течения времени интенсифицируется нестабильным эмоциональным фоном героини. Она решает отныне не платить за товары в магазинах, как Молочник и такие, как он, т.е. «запредельщики или осведомители». Она приравнивает себя к ним и более не сопротивляется.

«Да, Молочник. Иди. Убивай. Убей их всех. Вперед. Слушай меня. Я тебе приказываю... Теперь я знала, что это клеймо – и не только от Молочника – необратимо и против моей воли выжжено на мне» [Там же, с. 352].

На фоне разворачивающихся событий в жизни героини возникают и комические ситуации. Данное сочетание трагикомизма является характерной чертой для современного ирландского романа и литературы в целом [9, p. 61]. Например, Молочник, мужчина средних лет, не молочник, т.е. он никогда не развозил молоко в фургоне, и никто даже не знает, почему его начали так называть. В конце романа героиня, освободившись от чувства страха и успокоившись, признается, что всего лишь «заморская» фамилия Milkman стала тому весомой причиной. А настоящий молочник, который развозил молоко в фургоне, все это время существовал и тоже считался «запредельщиком» [3], т.е. ненормальным, так как был открытым, честным и прямым в своих высказываниях. Общество данные качества характера также считало социально опасными.

Образ героини-бунтарки в романе «Молочник» противопоставляется другому женскому образу, а именно ее матери. Следует отметить, что в Ирландии долгое время (до второй половины XX века включительно) культивировался образ «идеальной» женщины-матери, права и обязанности которой ограничивались ведением домашнего хозяйства и заботой о муже и детях. Подобные статьи в конституции поддерживала и церковь с ее католическим мировоззрением, в котором женщина вызывала прямую ассоциацию с образом святой Девы Марии. Феминистские критики определили данную принужденную «идеализацию» женщины с ограничением ее сферы деятельности и интересов дискриминационной, так как она представлена морально слабой, второсортной. Позже с избранием Мэри Робинсон на пост президента в 1990 году и образованием двух организаций (Irish Countrywomen's Association and Irish Housewives' Association) ситуация кардинально изменилась. В XX веке снижение авторитета церкви также повлияло на процесс переосмысления статуса женщины, ее прав и обязанностей [6, p. 178].

В романе образ матери героини, на первый взгляд, содержит в себе черты классического образа матери, зрелой и мудрой женщины, однако А. Бернс предлагает иную интерпретацию данного образа. Мать постоянно наставляет дочерей и учит их быть «идеальными» женщинами, тихими и терпеливыми; она осуждает свободные отношения молодежи, разведенных женщин и женщин-феминисток, призывает служить мужу, несмотря ни на что. Старшая дочь удивляется тому, как мать отказывается от своих слов и меняется со смертью отца. Женщина начинает интересоваться настоящим молочником, готовиться к свиданиям, забыв обо всем. Мать под предлогом обычного визита заходит в комнату замужней дочери, чтобы подобрать что-то более современное из гардероба и забрать без спроса. Гротескно изображен умерший отец-глава семейства, постоянно пребывавший в депрессии из-за «какой-то там» травмы детства. Ирония, касающаяся «замалчиваемых» проблем прошлого, в частности доказанного факта растления малолетних священнослужителями, также является характерной чертой для современного ирландского романа и литературы в целом [7, p. 29].

Необходимо отметить, что А. Бернс намеренно трансформировала стиль романа, создав собственный уникальный. Учитывая, что героиня представлена некой интеллектуалкой, разносторонней личностью, читающий

ожидает связной грамотной речи, сопровождаемой тем или иным эмоциональным фоном. Однако при прочтении складывается обратное впечатление (в тексте много опечаток, обсценной лексики и т.д.), но оно ложное. Именно данного эффекта и добивалась А. Бернс, представив героиню одновременно в двух образах: локальном и глобальном, т.е. как ее воспринимает враждебно настроенное общество и как ее воспринимает читающая публика. Писательница вводит иной образ современной ирландки, сумевшей сохранить себя и не подчиниться общественным запретам того времени, несмотря на страх и сомнения. Другие женские образы в сравнении с образом героини выглядят гротескно и находятся во власти стереотипов, касающихся образа жизни и мышления ирландки.

Заключение

Важно подчеркнуть, что намеренное упрощение структуры и принципов сюжетообразования не может не заявлять о своеобразном стремлении ирландских писателей экспериментировать, отойти от классических или традиционных принципов, которые, по их мнению, не могут более коррелировать с существующей действительностью, достоверно отображать ее стремительное развитие [2, с. 140]. На основании проведенного анализа романа «Молочник» Анны Бернс мы приходим к следующим выводам. Образ героини, его интерпретация в произведении явились принципиально новыми для современной ирландской прозы. Писательница, следуя постмодернистской тенденции отрицания и разрушения привычного образа (что в ряде литератур произошло ранее), предпринимает попытку переосмысления образа современной ирландки в национальной литературе, тем самым вводя его в один ряд с традиционным. Актуализирующиеся в романе эксплицитно и имплицитно мотивы страха, паранойи и тоски позволяют проследить предпосылки становления образа общества-врага, в котором есть место лишь тотальной взаимной подозрительности и нетерпимости. Образ общества с его стереотипами, запретами явился в романе непреодолимым препятствием для героев осознать себя, свою идентичность.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением других художественных текстов Анны Бернс в сопоставлении с произведениями, написанными в тот же период ирландскими англоязычными авторами.

Список источников

1. Бернс А. Молочник. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
2. Гениева Е. «Ирландия - страна моя родная...». Три прозаика // Ирландская литература XX века: взгляд из России: спец. вып. журнала «Диапазон». М.: Рудомино, 1997. С. 139-147.
3. Burns A. Milkman. L.: Faber and Faber, 2018. 368 p.
4. Cahalan J. M. The Irish Novel. A Critical History. Dublin: Gill and Macmillan, Ltd., 1988. 365 p.
5. Connolly P. The Literature and the Changing Ireland. Gerrards Cross. Totowa, N. J.: Colin Smythe, 1982. 230 p.
6. Coughlan P. Irish Modernity and Feminism in Postmodernity // Hungarian Journal of English and American Studies. 2004. Vol. 10. № 1-2. P. 175-202.
7. Deane S. A Short History of Irish Literature. L.: Hutchinson & Co, Ltd., 1986. 282 p.
8. Powell K. T. Irish Fiction: An Introduction. N. Y.: Continuum, 2004. 217 p.
9. Smyth J. The Novel and the Nation. L.: Pluto Press, 1997. 208 p.

Информация об авторах | Author information

RU

Кемалова Миляуша Назимовна¹, к. филол. н.
Сахапова Фариды Ханифовна², к. пед. н., доц.
Мазаева Татьяна Викторовна³

^{1, 2, 3} Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

EN

Kemalova Milyausha Nazimovna¹, PhD
Sakhapova Farida Hanifovna², PhD
Mazaeva Tatyana Viktorovna³

^{1, 2, 3} Naberezhnye Chelny Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University

¹ scarlett_08@list.ru, ² sakh.farida@gmail.com, ³ mtv-mazaika@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): Анна Бернс; роман; образ; мотив страха; мотив тоски; Anna Burns; novel; image; motif of fear; motif of longing.